

Анатолий КОНТУШ NEVER SAY FOREVER

Уже одно его название обрекает на скитания.

Тех, кому не повезло здесь родиться, — чтобы сюда попасть.

Тех, кому повезло, — чтобы отсюда уехать. Одесса. Одиссей. Улисс.

Когда-то Петр прорубил окно в Европу из темной азиатской страны. Что еще он мог сделать на севере, где пасмурно, сыро и все время дует с холодного моря? После чего для знакомства с цивилизацией населению долгое время пришлось пользоваться узким отверстием в высоких широтах — медленно, зябко и унизительно.

Екатерина поняла, в чем здесь ошибка, спустилась на две тысячи километров к югу и основала Одессу.

Дверь в мир — потому что дверь всегда расположена ниже окна.

Конечно, через дверь ходить удобней. Тем более — когда со всех сторон ясно и сухо, а внизу шумят теплые волны.

Прошло каких-то пару лет, и сюда потянулись французы, греки, итальянцы, немцы и другие сообразительные народы.

Одесса с радостью пустила их к себе.

Прошло еще какое-то время, начались перемены, и многие решили уехать назад.

Одесса спокойно отпустила их обратно.

Дверь распахивалась без остановки и педаль всеми.

— Добро пожаловать!

— Счастливого пути!

Чему тут удивляться?

Владимир КУДЛАЧ

Жизнь, прерванная на взлете

При всей очевидности не перестаю задаваться вопросом: почему одаренный художник долгое время не замечается при жизни, но как только приходит европейское признание — внимание к нему неожиданно возрастает, и нужна еще испугательная смерть, чтобы интерес охватил все слои общества?

Подобная участь постигла и одесского живописца Герасима Семеновича Головкина (1863 — 1909). Впрочем, многое объяснимо: при жизни был скромный, замкнутый, долгое время не востребованный, переписки не оставил, сведений мало, наследников нет, картины разрознены и не котируются так, как, скажем, у его более успешных современников — Костанди, Кандинского, Бурлюков, Экстер и др. А тут еще трагическая развязка, вызванная раковым заболеванием.

То, что в состоянии было взволновать одесскую общественность начала XX века, при достаточной поинформированности способно, по крайней мере, вызвать интерес и сочувствие у нас, отдаленных от нашего героя более чем на столетие.

Головкин принадлежал к когорте подвижников, ведь ради искусства он отказался от семейного счастья, материального благополучия, постоянно рисковал своим здоровьем, что, в конечном счете, стоило ему жизни. Художника не стало в начале ноября 1909 года. Жизнь сорокашестилетнего художника, полного надежд и творческих планов, оборвалась неожиданно на пороге общеевропейской славы.

Нелишне напомнить некоторые достаточно известные факты. Корреспондент "Одесского листка" Николай Скромный (который в то время посещал Баварскую академию художеств) в номере от 13 июня 1909 года сообщил об исключительном успехе Герасима Головкина на Всемирной выставке в Мюнхене, где за картину "Весна" одессит был удостоен большой золотой медали.

Это стало признанием европейскости, ведь начиная с конца 1890-х годов выпускник Академии жадно интересовался достижениями европейского, преимущественно — французского, искусства в частных собраниях Одессы. В 1900 году с группой художников он впервые побывал в Париже на Всемирной выставке. Постепенно это вывело творчество живописца на новые рубежи.

Западная критика обратила более пристальное внимание на Головкина в 1906 году, во время выставки русского искусства в парижском "Осеннем салоне" в Гранд Пале, организованной С. Дягилевым. В 1907 году одесский художник становится членом Международного общества любителей искусств и литературы.

В силу действовавших тогда правил не реализованные во время выставок картины художника поступали в магазины-салоны Парижа, Берлина, Мюнхена, продажа которых гарантировала автору относительный достаток. После мюнхенского успеха в октябре 1909 года Г.С. Головкин даже получил предложение выставиться в США, а его одесский поклонник — домовладелец и меценат Михаил Ближенский — построил для художника студию. Однако эти планы не реализовались: 3(16) ноября 1909 года Головкин не стало.

Об этом трагическом конце один из приятелей Головкина — публицист и художник-любитель Георгий Пекаторос — в статье, которая одновременно появилась в "Одесском листке" и "Одесских новостях" уже 6 ноября, вспоминал: "3 ноября утром я получил по-

сланную накануне телеграмму: "Операция саркомы завтра, состояние хорошее, резекция челюсти". А придя домой в 4 часа, застал вторую депешу: "Головкин умер во время операции, саркома позвоночника. Тейхман".

Неожиданная смерть перспективного художника вызвала к его личности повышенное внимание одесской общественности. За два месяца 1909 года в местной прессе было размещено более десятка, в том числе — достаточно основательных, публикаций, что соответствовало количеству сообщений о художнике за весь период с 1892 по 1909 год. Кроме упомянутого Г. Пекатороса (ранее — библиотекаря Г.Г. Маразли) наиболее содержательные статьи подготовили художники Петр Нилус и Соломон Кишиневский, а также критик Татьяна Эдуардс, супруга известного скульптора.

Почему смерть Головкина стала столь неожиданной для его современников, даже для людей, близко знавших художника? Причина как в характере художника, так и в недооценке опасности болезни самим Головкиным, а также в отсутствии в условиях Одессы соответствующей медицинской диагностики и медицинской помощи. По свидетельству Пекатороса, "жил он чрезвычайно скромно и достаточно замкнуто. До заболевания — лет пять назад — он перенес различные желчи и вообще все последнее время лечился: два последних года — на лимане". С этого времени Герасим Головкин стал меньше бывать на "четвергах" — холостяцких собраниях одесской богемы, которые после женитьбы Е. Буковецкого переместились из дома на улице Княжеской в ресторан "Дюди", что напротив оперного театра. Выпить спиртного Головкин позволял себе чисто символически.

Некоторые подробности состояния здоровья Герасима Головкина в последние годы жизни узнаем из публикаций в "Одесском листке" Татьяны Дмитриевны Эдуардс, которая подписывалась криптонимом "ТЭД": "Еще три года тому назад (1906, — В. К.) Герасим Семенович жаловался на нарывы на шее, и один из них пришлось ему оперировать; но тогда не было и мысли о саркоме. Смерть одного из близких приятелей, скончавшегося в прошлом году тоже от саркомы, была для него какой-то поразительной неожиданностью, как теперь его смерть для его друзей".

Инстинктивно Герасим Головкин чувствовал опасность, но боялся признаться себе в этом. Современники свидетельствовали, что как только в присутствии художника речь заходила о смерти, он тут же исчезал. Уже летом состояние здоровья Головкина настолько ухудшилось, что не замечать это стало невозможно. Знакомые то и дело обращали внимание на дефект в его произношении. О моральном состоянии больного в этот период узнаем из записей Сергея Панкеева, в прошлом — ученика Герасима Семеновича: "Я виделся с Г., когда несколько дней находился в Одессе, и он рассказывал мне, как при глотании его что-то беспокоит. Он проконсультировался у хорошо известного в Одессе хирурга, который определил у него маленькую, совершенно безвредную опухоль, посоветовав ему вернуться для ее удаления "в любое удобное время" (из книги С.З. Луцкича "Одесские реалии Человека-волка").

В критические моменты прямолинейный Головкин был способен на решительные дей-

Это такой город. Он злословен для этого. И незачем ворчать, злословить и что-то шипеть про патриотизм.

Никто не виноват. Нельзя сердиться на дверь за то, что она пропускает в обе стороны.

Дает не только входить, но и выходить. Приезжать и уезжать, здороваться и прощаться. Но только не навсегда, потому что здесь не знают такого слова.

Изменчивый пейзаж дрожит вдали, как горячий воздух над раскаленной степью. Изменение есть движение. Которое отсутствует в слове "навсегда", обрекая последнее на вымирание в жарком причерноморском климате.

Never say forever. Никогда не говори: "Навсегда". Непрерывное движение приводит к тому, что все в конце концов возвращаются — откуда-то и куда-то.

Чтобы неизбежно задать себе вопрос о смысле всех этих бесконечных странствий, после которых в конце концов все равно приходишь в исходную точку.

Смысл — не в движении как таковом, а в его возможности. Которой нельзя не воспользоваться, оказавшись перед неплотно прикрытой дверью. Не посмотреть, а что же там, за ней?! Не поддаться искушению узнать то, чего не знаешь?! Не удовлетворить любопытство, чтобы потом умереть от досады?!

На Эверест поднимаются, потому что он существует.

Двери открывают, потому что они есть. Благодаря этому мы теперь снова живем там, где жили наши прадедушки и прабабушки. А наши внуки и внучки будут жить там, где сейчас живем мы.

Мы уходим на поиск своего дома, занятого чужаками, понимая, что все мы — чужаки для кого-то.

Итака — цель — существует только в мифах. В действительности цель исчезает в момент своего достижения, оставляя идущему один только путь — главное, что есть в жизни.

Названный в честь Одиссея город обрекает своих жителей на скитания, подчиняясь законам природы.

Париж.

Здесь ничего не умеют сделать! Ничего не понимают! Поеду в Берлин. Там — два часа, и готово! Нужно вырезать нарыв. Операция — прекрасная вещь. Вот мне вырезали нарыв на спине, был карбункул. Вырезали, и кончено!" Так мне говорил Г.С. накануне отъезда, говорил сильно изменившимся голосом", — вспоминал цитированный выше Георгий Пекаторос. Обобщая эти печальные сведения о последних днях жизни Герасима Головкина, констатируешь, что болезнь у художника была очень запущенной — опухоль горла (или неудачная ранее операция?) вызвала саркому позвоночника, и даже европейские светила были бессильны перед лицом неизбежной катастрофы.

Известие о кончине авторитетного художника, чья звезда удачи только разгоралась, взволновала людей, близко знавших Головкина. Свою роль в этом сыграла и одесская пресса, в особенности — газеты "Одесский листок" и "Одесские новости".

Организацию доставки тела покойного и устройство похорон взяло на себя Товарищество южнорусских художников, в котором Герасим Головкин состоял почти с момента его основания (1893). Все финансовые расходы — Александра Панкеева и Михаил Ближенский. Активную роль в делах, связанных с имуществом, играли родственники художника, в особенности — старший брат Илья Семенович. Были еще Матвей и сестра Ефросинья. Нужно признать, что все они мало понимали искусство и вряд ли ценили дарование брата, который лишен был помещения для работы в своем родительском доме (ул. Михайловская, 62). Отчасти это объясняется низким уровнем доходов и многодетностью его родственников. В упомянутой уже книге С.З. Луцкича помещено редчайшее фото, сделанное в Берлине: на смертном одре — Герасим Головкин, а рядом стоит печальный и подавленный Илья Семенович. Он же доставил в Берлин на гроб венки, которые заказали А.С. Панкеева, К.К. Костанди (от ТЮРХа) и М.М. Ближенский. При отправке гроба в Одессу не обошлось без курьезов. На границе в Александрово, куда выехал И.С. Головкин в ожидании прибытия поезда с телом покойного брата, ошибочно был доставлен гроб другого русского подданного, поэтому Илья Семенович вынужден был возвращаться на немецкую границу в Торно, чтобы решить недоразумение. В Одессе 5 ноября родственники Г.С. Головкина заказали по нему панихиду в Покровской церкви, а 8 ноября в Архиепископской церкви — коллеги из ТЮРХа.

17 ноября 1909 года газета "Одесские новости" сообщила: "Завтра состоится похороны преждевременно умершего в Берлине художника Г.С. Головкина. Тело доставят из-за границы на ст. "Одесса-Главная" в воскресенье, в 9 час. 15 мин. утра. Вынесение тела из вокзала на старое христианское кладбище состоится завтра, в 3 час. дня".

Своими впечатлениями о церемонии прощания с коллегой поделился в письме к Николаю Скромному (письмо так и не нашло адресата) председатель Товарищества Кириак Костанди: "Как тяжело было сопровождать так рано скончавшего свою земную жизнь — полного творческих сил. Хотя слабым утешением для нас, художников, было то, что так тепло относились к художнику все слои общества: сопровождала гроб многочисленная публика. Ал(ександр) Митроф(анович) Федоров (известный одесский писатель и публицист, — В. К.) сказал прочувствованное

надгробное слово, и все потихоньку разбрелись по домам с чувством великого сожаления о столь ранней смерти талантливого художника. В Головке мы потеряли видного и малоизвестного участника нашей выставки. Да будет земля ему пухом".

В это время еще продолжала работу очередная — XX — выставка ТЮРХа, на которой рядом с работами Г.С. Головкина сразу же после известия о его смерти в траурном обрамлении был выставлен прекрасный портрет художника кисти Н.Д. Кузнецова (1904).

Художника не стало, но его работы продолжают свою музейную жизнь. Одна из наиболее полных на сегодня коллекций живописных и графических работ Герасима Головкина хранится в Одесском художественном музее, в том числе — лучшие из его картин позднего периода творчества: "Весна", "Дубки" и "Последний снег". Кстати, последняя из названных была преподнесена братьями художника Одесскому музею изящных искусств в 1911 году, во время посмертной выставки художника.

Каждый истинный художник несет свой крест, исполняя возложенную на него providением миссию. Однажды избрав этот путь, Головкин остался верен идеалам своей молодости. На большом деревянном кресте, установленном на свежей могиле, была прикреплена палитра художника как символ жертвенности избранной профессии.

В завершение хочу напомнить предупредительные слова Павла Чистякова, сказанные в свое время такому же аскету от искусства — гениальному Михаилу Врубелю: "Помните — искусство вечно, жизнь одна..." Свой камешек в основание храма вечности вписал и Герасим Семенович Головкин.

Память о художнике хранит одна из улиц Молдаванки, названная в его честь. Она расположена параллельно с улицей Михайловской, где еще сохранился родительский дом прославленного Одессу художника.

В публикации использованы материалы из фондов ОННБ им. М. Горького.